

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ СТАНОВЛЕНИЯ МЕТАПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 9–30
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(2):9–30

Научная статья
УДК 340.1
EDN SFTOSL

Концепция метаправа в современной российской юридической науке

Дамир Юсуфович Шапсугов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, shapsugov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7813-6368>

Аннотация

Введение. Право, как и любое другое явление, проходит определенные этапы в своем развитии. В связи с широким научным обсуждением вопроса о метаправе возникают вопросы о его онтологическом статусе и теоретико-правовых основаниях исследования, требующие своего разрешения.

Цель. Разработка научной проблемы становления метаправа, включающая поиск и исследование онтологических тенденций становления права в современном мире, гносеологических предпосылок их познания, изучение технологических предпосылок и моделей, обуславливающих процессы реализации права в прикладной науке о праве – юриспруденции. Выявление преобладающей тенденции в правовом развитии общества, ее социальных, политических и научных основаниях, из которых вытекает понимание метаправа, его содержание и методы познания; обоснование научной гипотезы метаправа.

Методы. Критический подход к методологии исследования на основе парадигмы отражения сознанием бытия, позволяющий учитывать отдельные познавательные приемы традиционной методологии, опирающиеся на понимание необоснованности второго «издания» старой метафизики, недостатки которой были обоснованы И. Кантом («слепое» следование предмету), К. Марксом в тезисах о Фейербахе (игнорирование чувственной человеческой деятельности), с преимущественным применением парадигмы научного творчества, основанной на свободе мысли, учении о рассудке и разуме, интуиции, реализующейся при исследовании предмета исследования как научной проблемы путем разработки и апробации научных гипотез.

Результаты и выводы:

- обоснование ограниченности современной методологии познания права, основанной на парадигме отражения бытия сознанием, и необходимости разработки и применения методов и принципов научного творчества в познании и осуществлении метаправа, обоснование новых, адекватных ему принципов исследования;
- обоснование концепции естественности эволюции действительного права, основанной на единстве физической и (социальной) нравственной природы человека и эволюции искусственности, виртуальности, видимости права, создаваемой как неправое, но преподносимой как действительное право;
- установление отличия двух миров права по субъектам: в действительном праве субъект права – конкретный живой свободный, разумный человек. В видимом виртуальном мире права субъект права – абстрактный персонаж на сцене истории, описываемый в художественных, фантастических произведениях, демонстрируемый на фото, телевидении и в кинофильмах, усредненный человек, маска которого не соответствует конкретному живому человеку.

Показано, что искусственный интеллект – инструмент для создания обоих миров права – естественного и виртуального искусственного. Он создается представителями относительно новой профессии – условно называемой «айтишниками», – разработчики, операторы, владельцы и пользователи СМИ, органы власти, деятельность которых может и должна регулироваться государством посредством создания и функционирования адекватной нормативно-юридической системы, определяющей статус и содержание, сферы применения искусственного интеллекта, для чего в действующем позитивном праве есть сложившаяся система технологий, по которой уже создается начальный формат названной системы, а его потенциал окажется весьма востребованным в дальнейшем. Появился «новый мастер» (искусственный интеллект) в мастерской по «производству» виртуальных миров, где они создаются и проверяются на предмет адекватности развивающемуся живому разумному человеку. Проанализирована обоснованность использования термина «искусственный интеллект» в современной научной юридической литературе России. Показано, что сложившееся понимание интеллекта в научной гуманитарной литературе однозначно означает способность живого конкретного человека, что не позволяет просто «переносить» термин для выражения процессов, не являющихся выражением познания, происходящего в мозгу человека, на процессы получения и организации знания посредством использования технических средств.

Опираясь на проект ФЗ «Об основах правового регулирования сфер применения искусственного интеллекта (ст. 3), можно использовать термин «имитатор» или в крайнем случае взять термин «интеллект» в словосочетании со словом «искусственный» в кавычки. Это могло бы противодействовать мифологизации искусственного интеллекта, порождающего всевозможные «страшилки», реально и негативно влияющие на сознание очень большого количества современников, тем более, что инструмент его регулирования – нормативно-юридическая система – целиком и полностью остается в ведении государства.

Ключевые слова: концепция, метаправо, метатеория права, метатеоретический уровень познания права, принципы познания, парадигмы отражения и творчества, становление метаправа, эволюционный потенциал человека, научная проблема как предмет познания, научная гипотеза, искусственный интеллект, цифровые права, сетевое право

Для цитирования: Шапсугов Д. Ю. Концепция метаправа в современной российской юридической науке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 9–30. // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 2. С. 9–30. EDN SFTOSL

Original article

The concept of metalaw in modern Russian legal science

Damir Yu. Shapsugov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, shapsugov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7813-6368>

Abstract

Introduction. Law, like any other phenomenon, goes through certain stages in its development. Due to the widespread scientific discussion of the question of the meta-direction, questions arise about its ontological status and the theoretical and legal foundations of its research, which require their resolution.

Purpose. The development of the scientific problem of the formation of a metalaw, including the search and study of ontological trends in the formation of law in the modern world, the epistemological prerequisites for their knowledge, the study of technological prerequisites and models that determine the processes of law implementation in the applied science of law – jurisprudence. Identification of the prevailing trend in the legal development of society, its social, political and scientific foundations, from which follows the understanding of the meta-trend, its content and methods of cognition, the substantiation of the scientific hypothesis of the meta-trend.

Methods. A critical approach to research methodology based on the paradigm of consciousness reflecting being, which allows taking into account certain cognitive techniques of traditional methodology based on an understanding of the unreasonableness of the second "edition" of old metaphysics, the shortcomings of which were substantiated by I. Kant ("blind" following the subject). Marx's theses on Feuerbach (ignoring sensual human activity), with the predominant application of the paradigm of scientific creativity based on freedom of thought, the doctrine of reason and reason, intuition, realized in the study of the subject of research as a scientific problem through the development and testing of scientific hypotheses.

Results and conclusions:

- substantiation of the limitations of the modern methodology of cognition of law, based on the paradigm of reflection of being by consciousness, and the need to develop and apply methods and principles of scientific creativity in cognition and implementation of meta-law, substantiation of new, adequate research principles;
- substantiation of the concept of the naturalness of the evolution of valid law, based on the unity of the physical and (social) moral nature of man and the evolution of artificiality, virtuality, and the appearance of law, created as wrong, but presented as valid law;
- establishing the difference between the two worlds of law: by subjects: in actual law, the subject of law is a specific living, free, reasonable person. In the visible, virtual world of law, a legal subject is an abstract character on the stage of history, described in fiction, shown in photos, movies, television, an average person whose mask does not correspond to a specific living person.

It is shown that artificial intelligence is a tool for creating both worlds of law – natural and virtual artificial. It is created by representatives of a relatively new profession – conventionally called "IT specialists" – developers, operators, owners and users of mass media, authorities whose activities can and should be regulated by the state, through the creation and functioning of an adequate regulatory and legal system that defines the status and content, the scope of application of artificial intelligence, for which in the current positive law there is an established system of technologies, according to which the initial format of the named system is already being created, and its potential will be in great demand in the future. A "new" master" (artificial intelligence) has appeared in the workshop for the "production" of virtual worlds, where they are created and tested for adequacy to a developing living, intelligent person.

The validity of the use of the term "artificial intelligence" in the modern scientific legal literature of Russia is analyzed. It is shown that the current understanding of intelligence in the scientific humanitarian literature unambiguously means the ability of a living specific person, which does not allow simply "transferring" the term to express processes that are not expressions of cognitive processes occurring in the human brain to the processes of obtaining and organizing knowledge through the use of technical means.

Based on the draft Federal Law "On the basics of legal regulation of the fields of artificial intelligence (art. 3), you can use the term "simulator", or, in extreme cases, take the term "intelligence" in a phrase with the word artificial in quotation marks. This could counteract the mythologization of artificial intelligence, which generates all kinds of "horror stories" that really and negatively affect the consciousness of a very large number of contemporaries, especially since the instrument of its regulation, the legal regulatory system, remains entirely under the jurisdiction of the state.

Keywords: concept, meta-law, metatheory of law, metatheoretical level of knowledge of law, principles of cognition, paradigms of reflection and creativity, formation of metalig, evolutionary potential of man, scientific problem as a subject of knowledge, scientific hypothesis, artificial intelligence, digital rights, network law

For citation: Shapsugov D. Yu. The concept of metalaw in modern Russian legal science. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(2):9–30 (In Russ.). EDN SFTOSL

* * *

В понятии метаправа синтезируются особенности качественно нового этапа в правовом развитии общества, завершающего предысторию права, означающего начало его подлинной истории, приоритетной задачей в которой становится обеспечение коэволюционного соразвития человека и окружающей среды, позволяющего полностью использовать эволюционный потенциал человека, как уже ставшего надбиологическим вследствие своей разумности и духовности.

* * *

Становление метаправа опирается на новое понимание естественности права, являющегося продолжением концепции естественного права Б. Спинозы (право силы (естественность приоритета физической природы человека) и право на виртуальность поведения человека) как два вида неправа, Г. Гроция как способности человека к нравственному поведению (естественность приоритета нравственности человека перед его физической природой) к их синтезу в единство развивающихся физической и нравственной природы человека как к источнику естественности метаправа и его сущности – основы формирования свободной, разумной личности – субъекта метаправа.

* * *

Позитивное право – преимущественно рационально-рассудочное по содержанию, облекаемому государством в рациональную превращенную форму права – регулятор общественных отношений. Метаправо – поиск и нахождение разумного содержания права и облечения его в разумную форму наднормативных принципов.

* * *

Исследование метаправа в формате нового способа организации существующего знания о праве не дает знания о становлении метаправа как качественно нового этапа в правовом развитии общества, ставит вопрос о переходе от господствующих в традиционной науке о праве парадигм – ограничений, оснований, понятийного аппарата, междисциплинарности, дополнительности, к новой универсальной парадигме познания метаправа не как уже существующего позитивного права, а как научной проблемы, которая условно может быть названа парадигмой научного творчества, разработка адекватного ей методологического потенциала.

* * *

Универсальность парадигмы научного творчества заключается в том, что она не является заранее принятой общей схемой, внешним порядком исследовательской деятельности, не требует проведения исследований разными дисциплинами и методами, и, следовательно, междисциплинарности и дополнительности, а выступает как инструмент получения знания автором творчества (ученым), создаваемый и трансформируемый им самим адекватно содержанию проблем, решаемых в процессе научного исследования.

* * *

Источником метаправа является развивающаяся способность человека к разумной деятельности, в которой человек находит и проявляет свой разум.

* * *

Правовое общество естественно возникает как общество свободных, разумных, нравственных людей. Правовое государство возможно как форма организации такого общества, а не просто как публичная власть, опирающаяся на закон, что составляет основу позитивистской трактовки правового государства.

Д. Ю. Шапсугов

Введение

Современное общество вступает в новый период своего развития, сущностные стороны которого определяются процессами цифровизации, ускоренного развития информационных технологий, создания искусственного интеллекта. Происходящие коренные качественные изменения в жизни людей могут иметь существенно различающиеся последствия. Они уже экстраполируются на не столь отдаленное будущее как в позитивных, так и в крайне негативных сценариях. Причем, и те, и другие имеют под собой ресурсные, социальные, политические, технологические основания и поэтому возможны практически в одинаковой степени.

Как отмечается в научной литературе: «Человек – биологически ограниченное существо: у его органов чувств узкий диапазон восприятия, у тела ограниченный запас выносливости и краткий срок жизни, и все это сокращает эволюционный потенциал человека как биологически слабого вида, который не выжил бы, не встав на путь социального развития» [1].

Разумеется, очень трудно в настоящее время точно рассчитать эволюционный потенциал человека в развивающемся мире, в котором действуют разные силы. Здесь подчеркивается лишь несводимость эволюционного потенциала к особенностям его обособленной биологической природы без учета его социального развития, с которым связано формирование его надбиологических качеств, выражающихся в его культуре, разуме, нравственности, которыми определяются его коэволюционные возможности соразвития с окружающим миром, постоянное расширенное формирование которых становится условием его выживания. Эти возможности реализуются в процессе создания разных миров человека, которые в научной литературе определяются как человеческий и иной (искусственный, виртуальный), противостояние или диалектическое взаимодействие которых создает как угрозы существованию человека, так и возможности, и опыт их преодоления. При этом необходимо учитывать уже существующие механизмы самовосстановления органов человека или замены их на искусственные, а также возможность бесконечного развития человечества при ограниченности жизни отдельных индивидов.

Частью решения этой задачи является становление метаправа, потребность в котором стала носить судьбоносный характер, поскольку именно в нем человек может и должен найти свой разум [2].

Одной из заметных особенностей современного этапа развития человечества является выстраивание виртуальных миров, существующих рядом с действительным миром живых людей и уже также претендующих на статус действительного мира. На возможность существования такой ситуации обращал внимание Н.А. Бердяев, обосновывая необходимость различения первичного бытия, существующего до его рационализации независимо от нее и рационализированного искусственного мира, который накладывается на действительный мир человека и отождествляется с ним [3, с. 7].

Целью в настоящей статье выступает разработка научной проблемы становления метаправа, включающая поиск и исследование онтологических тенденций становления права в современном мире, гносеологических предпосылок их познания, изучение технологических предпосылок и моделей, обуславливающих процессы реализации права в прикладной науке о праве – юриспруденции.

Выявление преобладающей тенденции в правовом развитии общества, ее социальных, политических и научных оснований, из которых вытекает понимание метаправа, его содержание и методы познания, обоснование научной гипотезы метаправа.

Методы исследования проблемы: критический подход к методологии исследования на основе парадигмы отражения сознанием бытия, позволяющий учитывать отдельные познавательные приемы традиционной методологии, опирающиеся на понимание необоснованности второго «издания» старой метафизики, недостатки которой были обоснованы

И. Кантом (слепое следование предмету), К. Марксом в тезисах о Фейербахе (игнорирование чувственной человеческой деятельности), с преимущественным применением парадигмы научного творчества, основанной на свободе мысли, учении о рассудке и разуме, интуиции, реализующейся при исследовании предмета исследования как научной проблемы путем разработки и апробации научных гипотез.

Теоретическую основу исследования, реализуемую через указанную выше систему методологии, составляют современные концептуальные подходы к исследованию человеческого действительного и виртуального миров, определению места и роли искусственного интеллекта в их формировании и функционировании, выявлении когнитивных процессов, протекающих в сознании человека, представленных в современных естественнонаучных исследованиях, в том числе и проводимых на стыке с гуманитарными исследованиями, порождающими новые отрасли наук (биоэтика и т.п.).

Теоретическую основу данного исследования составляют также научные положения, закрепленные в создаваемых нормативных основах регулирования искусственного интеллекта на международном (Этический кодекс ЮНЕСКО и т.п.) и внутригосударственном уровнях, включающие как уже действующие акты, так и их проекты (проект ФЗ Российской Федерации «О правовых основах регулирования сфер применения искусственного интеллекта»).

Обобщенно теоретические основы исследования раскрываются в следующих принципах:

- принцип единства (основанного на различии) правового и юридического мышления, правоведения и юриспруденции; принцип единства физической и (социальной) нравственной природы человека как источник подлинного права;

- принцип взаимодействия двух миров человека: «производство» человеком естественных действительных миров права и виртуальных видимых искусственных миров позволяет человеку вести поиск целей и путей своего развития, адекватных природе его образа жизни;

- принцип субъектности конкретного живого человека в праве. Становление метаправа призвано разрешить поставленную в начале XX века профессором И. А. Покровским проблему приоритетности конкретного живого человека в качестве субъекта права перед абстрактным субъектом – искусственным заменителем первого в т.н. «правовом» регулировании, перевода его в разряд вспомогательного инструмента, как и предлагал И. А. Покровский, регулирования отношений в обществе, роль которого, возможно, больше подойдет в современных условиях искусственному интеллекту;

- принцип приоритетности прав и свобод человека в правовом регулировании, реализация которого обеспечивается установлением возможностей, запретов и обязанностей, необходимых для их осуществления и развития, гармоничное сочетание которых исключает их противопоставление или взаимоисключение [4], так как свобода есть действительность права, а право есть возможность свободы, что не исключает часто встречающегося факта декларативного провозглашения в нормативных актах прав человека и их нереализуемость в социальной практике многих государств и обществ. Абсолютизация таких фактов фактически отрицает и право, и свободу, лишая их возможности переходить друг в друга и, следовательно, в действительность.

Формирование глобальных цифровых прав человека [5], возможно, положит начало обретению юриспруденцией давно ожидаемой математической точности:

- регулирование на основе принципов метаправа, являющихся наднормативными по своей природе, становится доминирующим, основополагающим в правовом регулировании; догматика-нормативность переходит в сферу искусственного интеллекта, а принципы выступают как непосредственное выражение сущности права, они не выводятся из норм как их обобщение, а определяют их содержание, что позволяет преодолеть недостатки

детализированного регулирования, переходящего в необходимых случаях к искусственному «интеллекту», к регулированию на основе принципов, о необходимости которого говорили Кант и Гегель в конце XVIII–XIX в.;

- принцип необоснованности второго «издания» старой метафизики и исчерпанности потенциала ее познавательных возможностей, включая междисциплинарность, дополнительность, предполагающие взаимодействие дисциплин, не являющихся метаправовыми, но призванными обновить юридическую науку, предметом которой становится метаправо.

Традиционные дисциплины с традиционной методологией призываются на основе междисциплинарности к познанию нового явления вместо создания новой, более универсальной творческой методологии и новой структуры знания о становлении права нового типа. Дело ограничивается новым способом организации существующего знания о праве. Сочетание старых, традиционных дисциплин (философии и философии права, философии права и теории права, отраслевых юридических дисциплин) создает лишь новое абстрактное знание, не знающее «чувственной человеческой деятельности» и отчужденное от нее, которая и создает метаправо как новое правовое явление, не познаваемое вторым изданием старой метафизики, слепо следующей заранее определенному предмету, не учитывающему уже сформировавшееся единство юридической науки, порождающей единство правового и юридического мышления (см. об этом: [6]), отождествлявшееся в рамках второго «издания» старой метафизики.

Результаты и обсуждение

Современные виртуальные миры являются последовательным продолжением рационального подхода к построению общественной жизни, демонстрируемой искусственным интеллектом, применяемым в процессах цифровизации. Сегодня существует и развивается новый инструмент создания искусственных миров, которые встраиваются в традиционный образ жизни, одновременно и приспособляясь к нему, и трансформируя его в новые состояния. Нет сомнений в том, что структура, состав, функции, результаты его действия должны самым тщательным образом регулироваться развивающимся законодательством, чтобы исключить возможности его применения во вред развивающемуся человечеству. Вместе с тем, не тормозить его развитие во благо человечества. Осознание такой задачи уже реально выражается в ряде международно-правовых (Кодекс этики для информационного общества ЮНЕСКО, Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия 15.12.22) и внутригосударственных актов. Знаменательно, что 18.03.26 г. в Государственную Думу представлен проект ФЗ «Об основах правового регулирования сфер применения искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Закон об искусственном интеллекте)¹, нуждающийся, разумеется, в серьезной доработке, но и содержащий основы понимания того, как должно осуществляться регулирование сфер применения искусственного интеллекта.

Среди многочисленных проблем, возникающих при изучении этого интересного документа, и требующих дальнейших исследований, выделим одну, как нам кажется, ключевую проблему определения искусственного интеллекта. Понятие «искусственный интеллект», применяемое в научной литературе двусмысленно – подменяет **интеллект живого конкретного человека** виртуальной видимостью интеллекта его необоснованным **переназванием**, из которого начинает вытекать вопрос о судьбе естественного живого интеллекта, благодаря чему виртуальный мир идет на замену традиционному миру человека. Любая субстанциональность живого, действительного человека бесспорна, а виртуальная

¹ Федеральный закон. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Проект. <https://base.garant.ru/483411782/>

реальность с виртуальным персонажем с виртуальным человеком реальна, но не субстанциональна.

В соответствии со статьей 3 Проекта ФЗ об искусственном интеллекте, последний определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий **имитировать** (выделено нами – Д. Ш.) когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, **сопоставимые** (выделено нами – Д. Ш.) с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹. Смысл этой статьи достаточно четко раскрывает ту истину, что возникает новый **персонаж**, имеющий много предшественников, действующих в виртуальном пространстве, по созданию нового виртуального мира, не являющийся живым действующим человеком, которому необоснованно присваивается принадлежащее только живому творящему человеку свойство.

По нашему мнению, определение искусственного интеллекта в проекте ФЗ, которое можно рассматривать как приемлемое, должно быть уточнено с точки зрения относимости его именно к виртуальному видимому миру как **имитирующему** действительный мир. Как первое решение вопроса – можно заключить в кавычки слово «интеллект», оставив без кавычек слово «искусственный». Необходимо, конечно, прийти и к более основательным решениям. В специальных фундаментальных работах на эту тему отмечается, что виртуальность как признак присущ всем уровням бытия и имеет действительную и сложную эволюцию. Представления о ней развивались от смутных и неотчетливых мифологических образов через всю историю философской мысли до современных коммуникаций [6].

Чтобы избежать двусмысленности в понимании того, что сейчас считается искусственным интеллектом, нужно ввести в оборот новый термин, выражающий неестественность искусственность, видимость, виртуальность искусственного интеллекта, посредством которого могут различаться человеческий интеллект и его видимость, подобно тому, как позитивное право выступает как видимость права, лишенная сущности права в отличие от метаправа, выражающего ее. То, что называют искусственным интеллектом, является творением человека, выражением его способности к самосовершенствованию путем создания все более точных инструментов, расширяющих границы познания им самого себя и преобразования окружающего его мира, становящихся новой стартовой площадкой для его постоянного развития. Нужно исходить, несколько перефразируя широко известное высказывание классика, из основной мысли: «Человек неисчерпаем в гораздо большей степени чем атом», поскольку он воплощает единство не только физической природы человека, но и социальной его природы, что значительно расширяет его возможности в преобразовании себя (что не учитывается в катастрофических сценариях будущего, действующим субъектом которых выступают искусственный интеллект, цифровизация, которые в научной литературе определяются как цифровой эскапизм, борьба искусственного и естественного, биотехническое конструирование пост человека и т.п.

В. А. Кутырев уже давно и последовательно исследует основную трагедию современности – борьбу миров: традиционного – человеческого и иного, виртуального, реального, но не субстанционального [7; 8; 9]. Подробно и глубоко он раскрывает их противостояние – борьбу, вполне допуская победу сил, пытающихся строить виртуальные миры взамен

¹ Федеральный закон. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. Проект. <https://base.garant.ru/483411782/>

существующего традиционного мира с живым человеком, считая необходимым предотвратить такой исход борьбы, опираясь на консервативное философствование, которое он называет «феноменологическим реализмом». Глубоко и профессионально исследовав несовместимость противоположного человеческому иному (виртуального, нечеловеческого) мира, он четко зафиксировал катастрофическую опасность, угрожающую традиционному миру в случае победы виртуального мира в происходящей борьбе миров.

Здесь мы имеем дело с глубоко обоснованной постановкой проблемы, решение которой должно проходить по творческим правилам проблемного мышления – постоянным обоснованием и выдвижением научных гипотез по ее решению. Не следует забывать и того, что наряду с виртуальными мирами, о которых говорится в трудах В. А. Кутырева, существует и видимый мир, возможно, являющийся разновидностью виртуального. Это тоже искусственно создаваемый мир нормативно-юридических систем, разрабатываемый юриспруденцией как прикладной наукой о праве, являющийся инструментом создания и развития человеком любых миров. Поэтому оказывается очень важным вопрос о том, какой инструмент из арсенала возможных выбирается для построения того или иного мира. Это относится и к становлению метаправа. В этой связи несколько догматично выглядит только противопоставление рассматриваемых миров без рассмотрения вопроса об их диалектическом взаимодействии, снимающем их противоположность. В специальной научной литературе обращается внимание на то, что «виртуальность – свойство, скрытое в глубинах природы», дается утвердительный ответ на вопрос о присущности виртуальности всем формам бытия, опираясь на обширный естественнонаучный анализ этой проблемы, включая бытие человека, процессы становления социальной виртуальности в труде, языке, деятельности, слове, называемом идеальным двойником действительности, и т. д. [1] Вряд ли имеет смысл игнорировать результаты такого анализа.

Переходя к анализу понятия «метаправо», следует отметить наличие достаточно обширного числа научных исследований. Уже существуют обстоятельные обзоры этой литературы [10; 11]. Коренные изменения в структуре общества, его научном потенциале, новой информационной базе, резкое возрастание роли творческого начала как особой способности людей уже не укладываются в традиционные рамки юриспруденции, характерные для предыстории права, требуют разработки новых научных идей, способных резко усилить развитие и использование творческого потенциала современных людей, их формирования и деятельности как свободных, разумных, нравственных людей, способных поднять человечество на очередную ступеньку их поступательного развития.

Одной из таких идей, бесспорно, является идея метаправа, становящаяся одной из самых судьбоносных и слабо исследованных проблем правового развития общества на современном этапе, означающая начало процесса становления метаправа. Предметом исследования в современных условиях становится прежде всего новый этап в развитии права, завершающий изучение его предыстории и становление действительного права, связанное с новым способом его познания, который условно можно назвать творческим как в познании, так и в осуществлении права.

Как отмечает С. В. Останина, среди правоведов впервые к понятию метаправа обратился американский адвокат Э. Дж. Хейли в 1956 г. на VII Международном астронавтическом конгрессе в Риме, выступив с докладом «Космическое право и метаправо», посвященным рассмотрению взаимосвязи права и морали человечества будущего, которому понадобится новая этика – этика космической цивилизации – в космосе золотое правило «Как бы ты хотел, чтобы поступили с тобой» – не применимо, предлагается «новый принцип метаправа»: «Поступай с другими так, как они хотели бы, чтобы ты с ними поступал» [11, с. 130].

При этом, подчеркивалось, что метаправо стоит на более высокой ступени развития, чем земное, человеческое. Характерно, что Э. Хейли считал пагубным актом человека распространение земного права во вселенной, что, по его мнению, могло бы привести к уничтожению других форм разумной жизни [11]. Идея метаправа связывалась с необходимостью выработать универсальное космическое право эпохи исследования внеземного пространства. Этой проблеме уделялось внимание и в советской юридической науке. В частности, А. И. Йорыш подвергал критике концепцию западных авторов и создал основы советского варианта космического права [12].

Таким образом, в такого рода исследованиях проблема метаправа не рассматривалась как проблема внутреннего развития национального права, а выводилась на уровень взаимодействия цивилизаций во вселенной, что вполне становится понятным в увязке с бурным развитием космонавтики в тот период. Вместе с тем, метатеоретическая проблематика заняла в современной отечественной литературе значительное место в аспекте более основательного, уточняющего характера традиционного знания о праве, став преимущественно новым способом организации старого знания. В современной научной литературе приоритет отдается проблемам развития земного права и его познания. Актуальными становятся проблемы метаправа как в отдельных государствах, так и в международном праве в их единстве, происходит процесс формирования теории метаправа и теоретических способов, форм его познания.

В научной литературе дается описание большого многообразия мета-явлений, к которым относится и метаправо, изучение которых связывается с формированием различных метатеоретических и метаприкладных теорий. Однако не все из них имеют прямое отношение к метаправу и поэтому не могут быть теоретическими конструкциями для познания метаправа, хотя и имеют определенное значение для развития теоретического знания о праве. Изучение научной литературы, посвященной метаправовой тематике, позволяет отметить несколько основных подходов к исследованию. Первый предполагает выделение нового уровня теоретико-правового знания.

В частности, большое значение придается концепции метатеории права, предложенной профессором В. Н. Протасовым [13] и поддержанный рядом ученых [14]. Суть ее заключается в обосновании необходимости сделать предметом исследования уже не само право, а именно наличное теоретическое знание о нем – теорию государства и права, т.е. создать новый, более высокий этаж теоретического знания, не заменяющий существующее знание, но необходимо и существенно дополняющий ее. Речь идет, как нам представляется, об упорядочении теоретического знания о праве, разработке более основательной системы категорий теории права и государства. Разумеется, можно только приветствовать попытки осмысления значимости существующего знания с точки зрения повышения его теоретического уровня, тем более, что в 1976 г. профессором А. М. Васильевым была издана монография «Правовые категории», представлявшая собой классическое произведение такого рода, правда, основанное на ложной парадигме о классовой сущности права [15]. Можно сказать, что это был первый образец метатеории права за весь период существования отечественной юриспруденции.

Следует признать, что создание метатеории права в таком ключе имеет важное значение для развития теоретического знания, однако современный период развития юридической науки связан с возникновением новой познавательной ситуации, связанной с коренным изменением, во-первых, предмета познания, которым перестает быть уже существующее право; во-вторых, с необходимостью изменения основной парадигмы познания и познавательных средств, необходимых для ее применения.

Второй подход к исследованию метаправовой тематики обосновывает В. К. Самигуллин, рассматривая метаправо как своеобразное и перспективное исследовательское направление, выводящее на право принципов гуманистического права, которое, аккумулируя в себе «всю совокупность первосущностных императивов первосути права, действует в масштабе всей планеты, распространяя свое значение, что может осуществляться на основе культурологического метода и на международное, и на внутригосударственное право, содействуя становлению их единства, в том числе и путем распространения коллизионного метода регулирования, характерного для международного права, на внутригосударственное право [16; 17].

Другой способ трансформирования существующей юридической теории, основанный на фиксации современных проблем ее развития: методологический плюрализм, ограниченность человеческого разума, утрата наукой своего методологического статуса; анонимия автономности юридической науки и ее связи с властью, превращение ее в средство легитимации существующего; остающиеся нерешенными методологические проблемы отраслевых наук; междисциплинарное взаимодействие, предлагается в коллективной монографии, посвященной перспективам развития юриспруденции в XXI веке [18].

Решение перечисленных проблем видится в создании принципиально нового типа правопонимания, синтезирующего феноменологические, антропологические, герменевтические, синергетические подходы с использованием диалогического метода; формировании постклассической юридической методологии на основе критики классической теории права, признанием его многогранности, релятивности и социально-культурной обусловленности, в развитии новых направлений в юридической науке (интегрированное правопонимание, коммуникативная теория, юридический либертариизм), составляющих основу плюрализма, обеспечивающего необходимую новизну теоретического знания.

По мнению С. В. Останиной, наиболее близким термину «метаправо» является термин «метафизика», обозначающий учение о «началах» и «причинах» Аристотеля, поскольку в нашем случае речь идет о базовых смыслах и принципах, лежащих в основе права. Основах еще более глубоких и значимых, чем общепринятые и признанные принципы законности, справедливости, гуманизма и равноправия [11].

А. А. Головина, проведя анализ самого широкого по содержанию понятия «правовая система», пришла к выводу, что метаправо – обобщающий термин для околоправовых (внеправовых) явлений, находящихся вне права компонентов правовой системы, включающий совокупность различных явлений правовой действительности, связанных с правом и не существующих вне такой связи, имея в виду правосознание и правовую культуру, которые вне связи с правом просто не могут существовать, в отличие, например, от творческого, религиозного, мифического сознания, которые существуют до права и без права [19]. При этом автор полагает, что подобная трактовка термина «мета» в применении к праву вполне соответствует эпистемологическим законам.

Ю. А. Чернавин, рассматривая метатеоретический уровень познания права, полагает, что он определяется через соотношения посредством разграничений предмета и метода и взаимодействия философии права и теории права [20, с. 72]. «В нашем случае, – отмечает он, – встречаемое движение философии права и теории права, неизбежное вследствие самой логики развития современной юридической науки, означает их «воссоединение на отношениях дополнительности» – описание моделей права (правового человека) в рамках и категориями как философской рефлексии данного феномена, так и его юридического постижения» [20, с. 77].

Как отмечает Ю. А. Чернавин, римляне создали понятие субъекта права (persona) – не биологического человека, а «правовое существо» абстрактного субъекта права. Этот факт можно рассматривать как одно из исторически первых, крайне важных для юриспруденции,

виртуальных субъектов в уже сложившемся в столь отдаленное время виртуальном мире, продолжающем существовать и сегодня.

В. Голоскоков рассматривает метаправо как часть сетевого права для частичной автоматизации некоторых процессов правотворчества и правореализации, позволяющую непрерывно менять некоторые элементы отдельных норм права [21].

В. В. Шаханов выделяет метатеоретический, теоретический и эмпирический уровни познания права [22].

Исследование метафеноменов в праве, их структуры, элементного состава, методологических аспектов, оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней, – отмечает В. В. Шаханов, – осложняется неразработанностью в юриспруденции метаязыковых средств как средств отражения метафеноменальности права с учетом многоуровневости языка юриспруденции.

В связи с этим предлагается разграничение метаправовых феноменов теоретического уровня, являющихся таковыми не сами по себе, а по отношению к исследуемым явлениям (принципы права, правовые модели, правовые аксиомы, общеродовые (общевидовые) теории (теория естественного права, теория позитивного права, теория правового государства и др.), понятийные ряды правовых категорий, юридические конструкции, правовые категории и др.). При этом общая теория государства и права объявляется метафеноменом по отношению к отраслевым юридическим наукам, которые в свою очередь состоят из собственных теоретических, метатеоретических и эмпирических уровней.

К метафеноменам философского уровня В. В. Шаханов относит правовые парадигмы, стиль юридического мышления, правовую картину мира, конкурирующую с понятиями «правовая реальность», «правовая действительность», «правовая жизнь» [23]. Введение такой определенности в структуре и элементном составе метафеноменов в праве, по мнению В. В. Шаханова, поможет оптимизировать как соотношение названных уровней, так и соотношение философии, философии права и теории права, с чем трудно согласиться, поскольку остается необозначенным механизм преодоления действительно существующего, еще более отчетливо чем раньше, выделенного «терминологического хаоса». Есть другие способы его преодоления, сформировавшиеся в процессе исторического развития юридической науки: различение и единство правового и юридического мышления, правоведения и юриспруденции, правового и юридического методов познания, относящиеся к предмету новой науки о праве – правовой эврикологии (см. об этом: [6]).

Метафеномены в праве отражают поиск того, что входит в мир среды права – явления, обеспечивающие возможность его возникновения, оформления, существования и действия, снимающие те ограничения, которые оказываются необходимыми при определении понятия права, означаящем выделение его главных, собственных признаков. Они (метафеномены) выявляются посредством междисциплинарных исследований и применения принципа дополнительности в юридической науке, помогая раскрыть, понять очень важные стороны процесса его развития. Они «впитываются» в право, в известной мере определяя его особенности, необходимость которых связана с их взаимодействием, влияющим на формирование права.

Теория метафеноменов права, призванная, по мнению В. В. Шаханова, предотвратить «терминологическую хаотизацию» в той части их выделения, которая ограничивается сферой внеправовых или околоправовых явлений, не решает, по нашему мнению, такой задачи, поскольку напрямую не связана с действительным предметом познания, каковым является сам процесс становления именно метаправа, а не позитивного права, хотя информация о метафеноменах может быть полезной для формулирования концепции метаправа.

Как отмечал О. В. Мартышин, стремление отдельных известных ученых России адаптировать к философии права методы философии и социально-гуманитарного знания, а также усилия других российских ученых по внедрению идеалистической философии в правовое познание (от догматизма к плюрализму) являются существенными недостатками антропологического поворота в науке [24].

Составной частью формирования концепции метаправа является выделение и обоснование метаправовых категорий, которые пока происходят в основном в рамках философии права и теории права, частично касаясь отраслевых юридических наук. В интересном, едва ли не первом, научном обзоре, сделанном Э. А. Каракуляном [10], по этой проблеме обозначено состояние разработанности этой проблемы в научной юридической литературе на данный момент.

Представляют интерес рассуждения автора, характеризующие место метаправовых категорий в науке международного права как отдельной юридической науке, о переносе проблематики метаправа в международные организации разного уровня в ассоциации с процессами глобализации, что выражается в том, что метаправовые категории не нацелены на выражение специфики международного права.

Э. А. Каракулян отмечает отсутствие единых подходов к толкованию метаправовых категорий, характеризующих начальный этап их осмысления вследствие расширения требований междисциплинарности к правовым исследованиям, и дает обзор различных подходов к их осмыслению в контексте общей теории права и международного права, при этом кратко характеризует высказанные точки зрения по данному вопросу. Обращает внимание на «далеко не бесспорный характер содержания метаправовых категорий, в лучшем случае призванных обозначить явления, не являющиеся правом», а само метаправо рассматривает как доктрину, описывающую отношение человечества, ставшего субъектом права, к внеземным цивилизациям, или как метасистема правовых систем.

Важным аспектом исследования метаправа является разработка концепции правового пространства, обобщенное изложение которой дается профессором Ю. А. Тихомировым [25].

Исходя из определения правового пространства как признанной контролируемой сферы жизнедеятельности людей, организаций и государств, он выделяет его разновидности, векторы развития, средства формирования и обеспечения, новые юридические сферы жизнедеятельности и коммуникаций с новыми задачами и проблемами, связанными с определением места права среди других социальных норм (политических, нравственных, религиозных, самоорганизации, технических норм самообязывания).

В целом, развиваемая им концепция права дает основания для вывода о необходимости одного права, формирующегося в условиях глобального и интенсивного правового регулирования с учетом его многомерности, которое может быть названо «вселенским метаправом». Данная концепция вполне может служить теоретической основой для разработки технологий нормативного воздействия на развитие всего комплекса динамично развивающихся отношений между взаимодействующими субъектами всех видов правового пространства.

Приведенные точки зрения, обобщенно говоря, отражают преимущественно прикладную проблематику как задачу юриспруденции, связываемую с разработкой понятийного аппарата прикладной юриспруденции, что является очень важным для выявления сущности правового мира человека, являющегося главной задачей правоведения.

В определенно интересной статье Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора дается весьма критическая оценка современного состояния юридической науки на примере Правительственной программы «Цифровизация экономики Российской Федерации», в которой право рассматривается преимущественно как инструмент правового регулирования, а не объект воздействия цифровизации в процессе создания новой цифровой реальности. Авторы убедительно

обосновывают неизбежность изменения образа права, его содержания, системы, формы и функционирования в условиях цифровой реальности, хотя на первый взгляд право сохраняет свои традиционные признаки [26].

В связи с этим в статье аргументируются фундаментальные задачи юридической науки, связанные с осмыслением происходящих с правом трансформаций в условиях цифровой реальности:

1. Постановка и разработка проблемы виртуального и реального в праве и соответствующее решение этой задачи развития методологии юридической науки.

2. Выявление механизмов и закономерностей влияния «цифровизации» на право.

3. Изучение цикличности «правовых массивов» и механизма их формирования, а также влияния на общественные отношения, право, его систему и структуру, правоприменительную практику для современного видения системы и структуры права для подготовки концепций развития законодательства, решения проблемы правового регулирования в сфере формирования и использования информационных баз данных, цифровых технологий.

4. Подготовка прогнозных сценариев изменения места и роли в регулировании цифровой экономики права и государства, их будущих трансформаций, появления новых нормативных комплексов в системе социальных норм наряду с уже существующими (моралью, религией, правом).

5. Разработка стратегии, тактики и юридического инструментария управления упомянутыми трансформациями.

6. Создание концепции опережающего отражения в праве общественных отношений в сферах, сопряженных с использованием цифровых технологий.

7. Разработка моделей правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий и определяющих базовые принципы регулирования и вектор согласования современных разнонаправленных тенденций регулирования общественных отношений, варианты взаимодействия и сочетания различных уровней, видов, средств и методов регулирования, распределения или концентрации регулятивных функций и полномочий в этой области, а также способов обеспечения баланса частных и публичных интересов.

8. Создание «цифрового юртехса», благодаря которому юристы должны придать цифровой реальности (новой) юридическую форму.

Весьма интересную концепцию метаправа давно и успешно разрабатывает профессор С. Ф. Ударцев, полагающий, что «метаправо – закономерная и завершающая цикл развития фаза эволюции права, раскрывающая на планетном и космическом уровнях глубинную, истинную природу и масштабы права» [27] и опирающийся на идеи о космической природе человека и политико-правовых формах организации его единства. «Осмысление метаправа, – подчеркивает С. Ф. Ударцев, – видимо, внесет существенные смысловые и ценностные коррективы в правопонимание, сложившееся на предшествующем (допланетном, докосмическом) уровне развития права» [27].

При всей важности приведенных подходов к развитию права и его познанию все же нельзя не заметить их завязанное на традиционный для юридической науки предмет исследования – действующее позитивное право и проблемы его познания, в чем проявляется известная недооценка глубины преобразования, происходящего в современном обществе, которые нельзя осуществить опираясь на, даже усовершенствованную, но в конечном итоге, остающуюся прежней трактовку парадигм, оснований, понятийных систем и методологий. Поскольку метаправо сегодня выражает коренное изменение в праве и его познании, означающие переход в новое качественное состояние, становящееся возможным благодаря

небывалому информационному обеспечению общества и ученых, ставшему доступным практически каждому члену общества в нормально-развивающихся странах, который определяется, пока далеко неточно, прогностически как общество творчества как правовая форма интеллектуализма, понимаемого как образ жизни человечества в XXI веке, когда новые идеи и современные знания о природе, человеке и обществе еще только пробивают себе дорогу к массовому сознанию [28].

Разумеется, такой подход имеет право на существование как теоретическая позиция, хотя, возможно, недостаточно эмпирически обоснованная. В онтологическом смысле метаправо означает право, следующее за тем, которое существует до сих пор в массе разновидностей позитивизма и нормативности, господствовавших во всей длительной предыстории права и заполнившей ее своим содержанием, переход права в новое состояние. Приведенные разновидности понимания метаправа как бы повторяют «Грех» Аристотеля, превратившего логику в онтологию (метафизику), приняв формы мышления за формы бытия [29, с. 70], поскольку логика и формы мышления о позитивном праве преподносятся как формы бытия права.

Приведенные взгляды остаются в рамках мышления, лишенного возможности изучить действительный предмет – метаправо как начало и процесс становления действительного права, ставшего возможным только в конце XX и XXI веке, когда созданы исходные информационные и технологические условия для его осуществления в виде искусственного «интеллекта», цифровизации, которые вызвали к жизни новые явления, называемые цифровым, сетевым правом, являющиеся свидетельством начала становления метаправа как нового способа самоорганизации людей, приходящего на смену внешнему нормативному регулированию между людьми, которое до сих пор необоснованно называется «правом», фактически являясь инструментом публичной власти для установления и поддержания удобного господствующей публичной власти порядка.

Становление концепции метаправа происходит на основе поиска и нахождения единства правоведения и юриспруденции, которые до сих пор отождествляются [30], и опирается на поиск и нахождение действительного источника права, каковым является **единство** физической природы человека, познаваемой естественными и техническими науками, получившими существенное развитие лишь в XIX и XX веках, и социальной природы человека, познаваемой гуманитарными, общественными науками. Познавание метаправа опирается на синтез названных разновидностей наук и получаемого ими знания. Противопоставление или тождество названных природ человека характеризует систему источников **предыстории** права, а его действительная история в общем формате метаправа означает начало подлинной истории права как процесса становления названного единства.

Предметом познания метаправа становится **творчество** человеком самого себя и своего образа жизни. Это обуславливает соответствующие способы познания метаправа. Старая методология познания предыстории права, опирающаяся преимущественно на теорию отражения сознанием бытия, не учитывала творческий характер деятельности человека, представляя собой внешний порядок, общую схему познания права, а давала только примитивное, поверхностное знание, принимавшееся за истинное, в итоге порождавшее только виртуальное знание, на основе которого создавались виртуальные образы права и деятельности человека в виртуальном мире. Такая методология уже исчерпывает свой потенциал, тем не менее на его основе созданы определенные предпосылки для разработки концепции метаправа и его осуществления в действительности.

Указанные выше два вида неправа, составляющие предысторию права, существуют до сих пор, пройдя длительный путь своего исторического развития и получая разные наименования: право силы отдельных личностей, государств и правителей и как право виртуальности,

воплотившееся в дипломатии, ставшей символом хитрости, лавирования и даже обмана, применяемых в случае отсутствия достаточной силы (ресурсов) для реализации права силы. Утверждение метаправа означает преодоление господства двух разновидностей неправа, основанных на противопоставлении двух природ человека и создании механизмов достижения их единства. Основным инструментом решения этой задачи становится создание нового типа нормативно-юридических систем, возникновение которых на основе метаправа становится возможным через искусственной «интеллект» и цифровизацию при всем их несовершенстве, отражающем лишь самое начало подлинной истории права.

Современный этап становления и познания права характеризуется более глубоким пониманием *естественности* права, ставшим *возможным* благодаря качественному наращиванию знания о двух взаимообусловленных природах человека: естественнонаучное знание о физической природе человека, раскрывающее органические процессы формирования человеческой энергии, обеспечивающие его мыслительную и практическую деятельность, и гуманитарно-культурологическое знание о социальной, нравственной природе человека в их единстве, становящемся возможным благодаря происходящему их синтезу, является по существу метаправовым знанием. Поэтому метаправо – это право эпохи творческого саморазвития человека и самосозидания им собственного образа жизни, когда возникают условия (информационное общество, искусственный интеллект, цифровизация и др.), способные обеспечить творческий характер жизнедеятельности человека. Это эпоха, когда права и свободы человека являются исходным пунктом регулирования, при котором запреты и обязанности устанавливаются для приоритетного обеспечения прав и свобод человека. Это – коренная особенность метаправа, уже получившая закрепление в Европейской декларации о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия от 15 декабря 2021 г.¹, характеризующая его становление, что разумеется, не исключает возможности продолжения предыстории права, если таковым станет выбор людей, способных ее продолжить. Метаправо – право свободного, разумного, нравственного человека, становящееся действительно воплощением естественного единства его физической и социальной природы, началом истории права и завершением его предыстории.

В современной научной литературе нет недостатка в критическом отношении к современному научно-теоретическому знанию о праве, которое оказалось действительно неспособным сформулировать новые эффективные идеи правового развития общества [31]. Подобно тому, как в конце XVIII – начале XIX вв., как отмечал М. М. Сперанский, для российской юриспруденции «в отличие от европейской юридической науки было характерно отсутствие разработанности философских и теоретических вопросов изучения права и законодательства, а сами правила исследования находились в зачаточном состоянии» [32].

В XIX – начале XX в. юридическая наука серьезно продвинулась в разработке методов научного исследования права, но «застряла» на них. В XXI веке мы наблюдаем известное повторение прежней ситуации. На пороге коренных изменений образа жизни, формирования новой правовой сферы, называемой пока не очень ясным термином «метаправо», к проблемам его исследования применимо приведенное выше замечание М. М. Сперанского. Разница лишь в том, что современная ситуация, характеризующаяся несопоставимо с прошлым объемом и качеством информации, технологиями его получения обработки и использования, дает возможность формирования свободного творческого и разумного биоэтического человека, способного создать в качестве эффективного инструмента, регулирующего развитие

¹ Европейская декларация о цифровых правах и принципах цифрового десятилетия. Принята 15.12.2022. <https://рцис.пф/storage/uploads/2022/12/28/63ac31132ee7dEuropean-Declaration-on-Digital-Rights-and-Principles-for-the-Digital-Decade.pdf>

человеческих обществ, всей человеческой цивилизации, новую нормативно-юридическую систему, адекватную принципам формирования метаправа, в условиях которого осуществляется приоритетное регулирование на основе метаправовых наднормативных принципов, перед регулированием через детализированные юридические нормы, которое под контролем человека может быть передано искусственному интеллекту, с учетом разницы между действительным, субстанциональным биоэтическим человеком и видимым, виртуальным миром, в котором действуют различные персонажи, абстрактные субъекты права, не являющиеся конкретными живыми людьми, а подобны фигурам на шахматной доске, передвигаемым по рациональным маршрутам.

Заключение

Настоящее исследование свидетельствует о реальной сложности проблемы метаправа в аспекте перспектив развития правовых исследований в XXI веке.

Современная юридическая наука пока не обладает научно-исследовательским потенциалом для разработки науки о творчестве в познании и осуществлении права. Ее догматизм, ведущий к скептицизму при столкновении с развивающимся миром, неразвитый научный критицизм препятствуют полноценной реализации творческого потенциала конкретных живых людей, который по существующим данным реализуется едва ли до 5 % от имеющихся его возможностей.

В наступающую эпоху этот потенциал должен использоваться во все возрастающей степени, обеспечивая создание эффективных инструментов, используемых для развития человека, формирования новой развитой личности, способной поддерживать и опережать бурный рост технических и технологических средств развития.

Поэтому изучение процесса творчества человека, ориентированного на его ускоренное развитие, превращение творчества во все более массовое явление, означающее невиданный рост потенциала человеческих возможностей и их использования, становится судьбоносным для всего человечества. Однако наука о творчестве в познании и осуществлении права еще находится на начальном этапе ее становления [33].

Современное знание крайне несовершенно, так как создается массой разрозненных дисциплин, не связанных друг с другом необходимым образом. Дисциплинарность и дополнительность – крайне несовершенные способы собирания их в целостность. Исследование метаправа должно преодолеть эти недостатки. Предмет исследования не должен рассматриваться в его обособлении, которое к тому же является весьма условным, поскольку рассматривается вне связей с окружающим миром, которые его формируют. Господствующий (позитивистский) способ мышления и иные отдельные его разновидности не обеспечивают исследование так понимаемого предмета¹.

Для этого необходимо прежде всего формирование нового интеллекта, который будет способен использовать потенциал мозга современного человека в полную меру, когда он, по имеющейся информации, используется, как уже отмечалось, едва ли на 5 % своих возможностей. Этот новый интеллект не будет искусственным, а будет биоэтическим, биоэнергетическим, способным создать куда более мощный искусственный «интеллект», имитатор, чем тот, который, по мнению отдельных ученых, уже угрожает самому существованию человека. Именно этот естественный, развивающийся интеллект живого человека станет подлинным творцом метаправа, опосредующим правовое развитие на новом этапе развития

¹ Еще в 1890 г. в России была издана монография, в которой получила обоснование мысль о том, что позитивное право и наука о нем являются частью государственного управления, лишены самобытности, не обладают приписываемой им самостоятельностью. См.: [34, с. 105].

человеческого общества через осуществление его наднормативных принципов, частично обосновываемых в данной статье, которые, разумеется, не носят исчерпывающего характера, будут развиваться, изменяться и существенно дополняться по мере осознания и решения новых, пока даже неизвестных проблем его становления.

Необходима тщательная проработка, развитие и дополнение изложенных в настоящей статье принципов исследования метаправа как нового этапа в правовом развитии общества, которые потребуют создания дисциплинарно не разделенной, сквозной, целостной теории познания, охватывающей исследуемые предметы и проблемы во всей их сложности и многообразии. По-видимому, окажутся устаревшими категории познания, прикрывавшие все недостатки и возвеличивавшие определенные достоинства рационального мышления как формы отчужденного познания и моделирования искусственных миров человека, приведших к созданию жизненно необходимого человечеству инструмента развития, названного «искусственным интеллектом».

Необходимо строить живой мир свободного, разумного, нравственного человека, способного к саморазвитию на своей собственной основе. Метаправо станет новой действительностью права, обслуживаемой и создаваемой на основе нового языка, новых образов, форм и процессов познания и реализации права, которые обеспечат формирование постоянно развивающегося, творческого человека. Такая постановка вопроса, кажущаяся сегодня фантастической, на самом деле, будет являться лишь незначительной частью тех изменений в бытии и сознании человека, которые он вынужден будет осуществить, обеспечивая хотя бы только свое воспроизводство.

Гуго Гроций обосновал фундаментальную идею об источнике и сущности права как способности человека к нравственному поведению и соответствие поведения человека этой способности [35]. Величие этой идеи остается неосознанным до настоящего времени. Она возвращала право во внутренний мир человека, уже зримо сводившегося к внешнему регулированию, осуществляемому публичной властью, становясь основой его становления и саморазвития, представляло собой подлинную естественность права прямого действия, субъектность живого человека в правовом развитии общества.

Привлекательность этой идеи была связана с пониманием становления права как процесса утверждения господства нравственности в человеческом обществе, что было естественно для научного труда, в котором были обоснованы неоправданность права силы и нравственный характер права мира. Приоритет нравственной природы человека перед физической безусловно носил гуманистический характер, хотя и не мог опираться на современное естественнонаучное и гуманитарное знание, которое дает основание для вывода о единстве двух природ человека как необходимом условии формирования подлинного права.

Решение этой задачи оказывается возможным только при условии рассмотрения ее как научной проблемы, являющейся действительным предметом исследования, познание которой возможно посредством разработки, реализации и проверки состоятельности различных научных гипотез. В данной статье предлагается одна из таких гипотез, особенности которой могут быть представлены в следующих нескольких тезисах.

Соглашаясь с общей оценкой состояния разработанности данной проблемы как отсутствием единых подходов к анализу нового явления в правовой доктрине и правовой жизни общества, характеризующих начальный этап осмысления связанных с ним процессов, отдавая должное всем ученым, высказавшим интересные суждения по данной проблеме, можно, по нашему мнению, попытаться синтезировать все высказывания и на этой основе обосновать ряд общих принципов, которые могли бы послужить общей основой для разработки гипотетической концепции метаправа, критика которой помогла бы продвинуться дальше в научном анализе такой судьбоносной для человечества проблемы.

1. Принцип новой естественности метаправа как права прямого действия.
2. Применение методологии научного творчества, основанной на свободе мысли, учении о рассудке и разуме, интуиции, реализующейся при исследовании предмета исследования как научной проблемы путем разработки и апробации научных гипотез, выражающих свободу творчества под судом разума.
3. Принцип единства (основанного на различении) правового и юридического мышления, правоведения и юриспруденции; принцип единства физической и (социальной) нравственной природы человека как источник подлинного права.
4. Принцип взаимодействия двух миров человека: «производство» человеком естественных действительных миров права и виртуальных видимых искусственных миров позволяет человеку вести поиск целей и путей своего развития, адекватных природе его образа жизни.
5. Принцип субъектности конкретного живого человека в метаправе.
6. Принцип приоритетности прав и свобод человека в правовом регулировании.
7. Принцип наднормативности регулирования на основе общих принципов метаправа.
8. Принцип необоснованности второго издания старой метафизики.
9. Принцип развития искусственного «интеллекта», как эффективного инструмента решения человеком проблем формирования свободных, разумных, нравственных людей.

Список источников

1. Тренина Г. И. Сущность виртуальности. От конструкта к онтологическому статусу (Виртуальность мира и миры виртуальных реальностей). 2021. 941 с. <https://www.litres.ru/book/g-i-tronina/suschnost-virtualnosti-ot-konstrukta-k-ontologicheskomu-status-64969687/chitat-onlayn/>
2. Четверикова Н.А. Эволюционный потенциал человека // Гуманитарный вектор. 2022. Том 17. № 2. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-8-15 EDN: BVJQZB
3. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Издательство Юрайт, 2025. 256 с. ISBN 978-5-534-05321-0.
4. А. де Бенуа. По ту сторону права. В защиту свобод. Пер. на русский язык – С. Денисов. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2015. 144 с.
5. Бурьянов М.С. Глобальные цифровые права в контексте рисков цифровизации // Век глобализации. 2020. № 3 (35). С. 54–70. EDN: HJDRBU
6. Шапсугов Д. Ю. Об истории юридической науки как процессе становления культуры творчества: размышления и краткие зарисовки о правовой эврикологии (науке о творчестве в познании и осуществлении права) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 1. С. 11–26. EDN ZKLFNQ
7. Кутырев В. А. Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994. 200 с. ISBN 5-88022-029-X
8. Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 240 с. ISBN 5-89826-087-0.
9. Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009. 264 с. ISBN 978-5-91419-163-1
10. Каракулян Э. А. Метаправовые категории в общей теории права и международно-правовых исследованиях (краткая историография) // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Том 22. № 1. С. 108–114. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.15 EDN: VRUBKK
11. Останина С. В. Смысловое многообразие метаправа // Позиции философии в современном обществе: материалы всероссийской научной конференции «Позиции философии в современном обществе», посвященной 45-летию философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург, 19-20 мая 2010 г.). Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2010. Том 2. С. 129-136.

12. Йорыш А. И. Проблема внеземных цивилизаций и метаправо // Советское государство и право. 1978. № 9. С. 64–70.
13. Протасов В. Н. Некоторые вопросы учений правовой метатеории // Государство и право. 2009. № 11. С. 85–89. EDN: LKSCUX
14. Апольский Е. А. Метатеория диссертационных государственно-правовых учений: актуализация проблемы // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2017. Т. 9. № 1. С. 95–100. EDN: YNTJIR
15. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические проекты разработки системы категорий теории права : репринтное воспроизведение издания 1976 года : монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2020. 264 с. ISBN 978-5-00156-068-5 (Норма), 978-5-16-015113-7 (ИНФРА-М, print).
16. Самигуллин В. К. Метаправо как нетривиальное исследовательское направление // Проблемы востоковедения. 2013. № 4 (62). С. 74–78. EDN: RRWUJJ
17. Самигуллин В. К. Метаправо: исходные начала : монография. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2016. 64 с. ISBN 978-5-9765-2673-0.
18. Честнов И. Л. Проблемы и перспективы юридической науки в XXI веке / Юриспруденция XXI века: горизонты развития: Очерки / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. С. 69–110.
19. Головина А. А. Право и метаправо как компоненты правовой системы / Актуальные вопросы юриспруденции. Сб. научных трудов по итогам научно-практической конференции. Вып. II. Екатеринбург: Инновационный центр развития образования и науки, 2015. С. 14–16. EDN: TNRCCB
20. Чернавин Ю. А. Философия права и теория права: проблема взаимоотношения // Философия права. 2019. № 1 (88). С. 72–79. EDN: NWLTMG
21. Голоскоков Л. В. Теория сетевого права. Курс лекций. М.: Изд-во Московского психолого-социального ун-та; Воронеж: МОДЭК, 2012. 216 с. ISBN: 978-5-9770-0555-5 EDN: QSUOAB
22. Шаханов В. В. Метафеномены в праве: предназначение, критерии выделения, риски использования // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 30–37. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.12.3>. EDN: TOQQMW
23. Шаханов В. В. Метафеномены в праве: структура, элементный состав, методологические аспекты, оптимизация взаимодействия теоретического и метатеоретического уровней // Lex Russica. 2021. Том 74. № 1 (170). С. 57–66. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.170.1.057-066> EDN: JLKKCQ
24. Мартышин О. В. Об особенностях философско-правовой методологии // Государство и право. 2016. № 6. С. 20–30. EDN: WDCLSX
25. Тихомиров Ю. А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.4.17. EDN: YNTPXB
26. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. EDN: YKWEZL
27. Ударцев С. Ф. Метаправо: о глобальной эволюции права // Вестник Московского государственного открытого университета. 2003. № 2 (10). С. 33–42.
28. Кархин Г.И. Канун интеллектуализма: (1968-2002 гг.) : [В 3-х сб.]. М.: Молодая гвардия, 2002. 326 с. ISBN 5-235-02614-4.
29. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: очерки истории и теории; предисл. Л. К. Науменко. – 5-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014. 318 с. ISBN 978-5-9710-0820-0.
30. Шапсугов Д. Ю. Культура творчества в юриспруденции и социальной практике как новый этап в познании и преобразовании развивающегося права: проблемы реконструкции процесса познания права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2024. № 2. С. 9–21. EDN: OFHKXD
31. Супатаев М. А. К вопросу о состоянии современного правоведения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 7–23. EDN: VDOZLZ
32. Сперанский М. М. "Право есть власть, основанная на правде" : неопубликованные юридические труды; составитель и редактор К. П. Краковский. М.: Статут, 2023. 290 с. ISBN 978-5-8354-1919-7.

33. Шапсугов Д. Ю. Проблемы становления культуры творчества в юриспруденции России. Часть I. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2024. 244 с. ISBN 978-5-6051019-0-1.

34. Мартесон-Гнидкин А. Что такое так называемое право и наука о нем: правоведение или юриспруденция. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1890. 120 с.

35. Гроций Г. О праве войны и мира : Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права; Пер. с латин. А. Л. Саккетти; [Вступ. статьи А. Л. Саккетти, А. Желудкова, с. 10-38]. [Репринт с изд. 1956 г.]. М.: Науч.-изд. центр "Ладомир", 1994. 868 с. ISBN 5-86218-149-0 : Б. ц.

References

1. Tronina G.I. *The essence of virtuality. From construct to ontological status (Virtuality of the world and worlds of virtual realities)*. 2021. 941 p. Available from: <https://www.litres.ru/book/g-i-tronina/suschnost-virtualnosti-ot-konstrukta-k-ontologicheskomu-status-64969687/chitat-onlayn/> (In Russ.)

2. Chetverikova N.A. Human evolutionary potential. *Humanitarian vector*. 2022;17(2). DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-8-15 EDN: BVJQZB

3. Berdyaev N.A. The meaning of creativity and the experience of human justification. Moscow: Yurayt Publishing House; 2025. 256 p. ISBN 978-5-534-05321-0. (In Russ.)

4. A. de Benoît. *On the Other Side of the Law. In Defense of Liberties*. Translated into Russian by S. Denisov. Moscow: Institute for General Humanitarian Research; 2015. 144 p. (In Russ.)

5. Buryanov M.S. Global Digital Rights in the Context of Digitalization Risks. *Age of Globalization*. 2020;3(35):54-70. (In Russ.). EDN: HJDRBU

6. Shapsugov D.Yu. On the history of legal science as a process of formation of a culture of creativity: reflections and brief sketches on legal eurycology (the science of creativity in the knowledge and exercise of law). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(1):11-26. (In Russ.). EDN ZKLFNQ

7. Kutyrev V.A. *Natural and artificial: the struggle of worlds*. Nizhny Novgorod; 1994. 200 p. ISBN 5-88022-029-X. (In Russ.)

8. Kutyrev V.A. *Culture and technology: the struggle of worlds*. Moscow: Progress-Tradition; 2001. 240 p. ISBN 5-89826-087-0. (In Russ.)

9. Kutyrev V.A. *Human and other: the struggle of worlds*. St. Petersburg: Aleteya; 2009. 264 p. ISBN 978-5-91419-163-1. (In Russ.)

10. Karakulyan E.A. Meta-legal categories in the general theory of law and international legal studies (brief historiography). *legal Concept*. 2023;22(1):108-114. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.1.15. EDN: VRUBKK (In Russ.)

11. Ostanina S.V. Semantic diversity of a meta-directive. In: *Positions of philosophy in modern society : proceedings of the All-Russian scientific conference "Positions of Philosophy in Modern Society"*, dedicated to the 45th anniversary of the Faculty of Philosophy of the Ural State University named after A.M. Gorky (Ekaterinburg, May 19-20, 2010). Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2010. Vol. 2. P. 129-136. (In Russ.)

12. Yorysh A.I. Winner of the award named after The problem of extraterrestrial civilizations and metaprograms. *The Soviet State and law*. 1978;(9):64-70. (In Russ.)

13. Protasov V.N. Some questions of the teachings of legal metatheory. *State and law*. 2009;(11):85-89. EDN: LKSCUX (In Russ.)

14. Apolskii E.A. Metatheory of dissertation state-legal doctrines: actualization of the problem. *The territory of new opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2017;9(1):95-100. EDN: YHTJIR (In Russ.)

15. Vasiliev A.M. *Legal categories Methodological projects for the development of a system of categories in the theory of law : reprint reproduction of the 1976 edition*: monograph. Moscow: NORMA, INFRA-M; 2020. 264 p. ISBN 978-5-00156-068-5 (Norma), 978-5-16-015113-7 (INFRA-M, print). (In Russ.)

16. Samigullin V.K. Metapravo as a Non-Trivial Research Area. *The Problems of Oriental Studies*. 2013;4(62):74-78. EDN: RRWUJJ (In Russ.)

17. Samigullin V.K. *Metapravo: Initial Principles*: Monograph. 2nd ed. Moscow: FLINTA; 2016. 64 p. ISBN 978-5-9765-2673-0. (In Russ.)

18. Chestnov I. L. Problems and Prospects of Legal Science in the 21st Century. In: *Jurisprudence of the 21st Century: Horizons of Development: Essays*. Edited by R.A. Romashov and N.S. Nizhnik. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2006. P. 69-110. (In Russ.)

19. Golovina, A. A. Law and Metaplaw as Components of the Legal System. In: *Actual Issues of Jurisprudence. Collection of Scientific Papers Based on the Results of the Scientific and Practical Conference*. Issue II. Ekaterinburg: Innovative Center for the Development of Education and Science; 2015. P. 14–16. EDN: TNRCCB (In Russ.)
20. Chernavin Yu. A. Philosophy of Law and Theory of Law: The Problem of Relationship. *Philosophy of Law*. 2019;1(88):72–79. EDN: NWLTMG (In Russ.)
21. Goloskokov L.V. *Theory of Network Law. Lecture course*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education; Voronezh: MODEK, 2012. 216 p. ISBN: 978-5-9770-0555-5. EDN: QSUOAB (In Russ.)
22. Shakhanov V. V. Metaphenomena in Law: Purpose, Criteria for Selection, and Risks of Use. *Journal of Russian Law*. 2019;(12):30–37. DOI: 10.12737/jrl.2019.12.3. EDN: TOQQMW (In Russ.)
23. Shakhanov V. V. Metaphenomena in law: structure, elemental composition, methodological aspects, optimization of interaction between theoretical and metatheoretical levels. *Lex Russica*. 2021;74(1(170)):57–66. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.170.1.057-066> EDN: JLKKCQ
24. Martyshyn O.V. On the Peculiarities of Philosophical and Legal Methodology. *State and Law*. 2016;(6):20–30. EDN: WDCLSX (In Russ.)
25. Tikhomirov Yu. A. Legal Space: Equilibrium and Deviations. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2017;(4):4–17. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.4.4.17. EDN: YNTPXB (In Russ.)
26. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the Digital Reality. *Journal of Russian Law*. 2018;1(253):85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. EDN: YKWEZL (In Russ.)
27. Udartsev S. F. Metapravo: On the Global Evolution of Law. *Bulletin of the Moscow State Open University*. 2003;2(10):33–42. (In Russ.)
28. Karkhin G.I. *The Eve of intellectualism: (1968-2002): [In 3 collections]*. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2002. 326 p. ISBN 5-235-02614-4. (In Russ.)
29. Ilyenkov E. V. *Dialectical logic: essays on history and theory*; preface. K. Naumenko. 5th ed. Moscow: LENAND; 2014. 318 p. ISBN 978-5-9710-0820-0. (In Russ.)
30. Shapsugov D.Yu. Culture of creativity in law and social practice as a new stage in the knowledge and transformation of developing law: the problems of reconstruction of the process of knowledge of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2024;(2):9–21. (In Russ.). EDN OFHKXD
31. Supataev M. A. On the issue of the state of modern jurisprudence. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2015;(4):7–23. (In Russ.). EDN: VDOZLZ
32. Speransky M.M. *"Law is a power based on truth": unpublished legal works*; compiled and edited by K.P. Kravinsky. Moscow: Statut; 2023. 290 p. ISBN 978-5-8354-1919-7. (In Russ.)
33. Shapsugov D.Yu. *Problems of the Formation of a Creative Culture in Russian Jurisprudence*. Part I. Rostov-on-Don; 2024. 244 p. ISBN 978-5-6051019-0-1. (In Russ.)
34. Marteson-Gnydkin A. *What is the so-called law and science about it: law or jurisprudence*. Moscow: A.I. Mamontov et K°; 1890. 120 p. (In Russ.)
35. Grotius G. *On the Law of War and Peace : Three books explaining Natural law and the Law of Peoples, as well as the principles of public law*; Translated from Latin by A. L. Sacchetti; [Intro. Articles by A. L. Saccetti and A. Zheludkov, pp. 10-38]. [Reprinted from the 1956 edition]. Moscow: Ladomir Scientific and Publishing Center; 1994. 868 p. ISBN 5-86218-149-0. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. Ю. Шапсугов – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, директор центра правовых исследований, научный руководитель школы правового мышления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. Yu. Shapsugov – Honored Lawyer of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Center for Legal Research, Supervisor of the School of Legal Thinking, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russia Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.04.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 02.06.2026.
The article was submitted 24.04.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 02.06.2026.